

СЕКЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

К.Ф. Ерназаров

г. Москва

НИУ ВШЭ

Научный руководитель: О.В. Русаковский

старший научный сотрудник, PhD

КОРОЛЬ НА ПОЛЕ БОЯ: ВЗГЛЯД ИЗ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ XV ВЕКА

Образ короля-воина, короля-рыцаря наиболее распространённый в Высоком Средневековье. Такие государи как Ричард Львиное Сердце, Людовик Святой, Эдуард Черный Принц воплощали и одновременно пропагандировали данный образ. Однако уже в XV веке деятельность правителя, его место на поле боя осмысливается по-новому. Во многом связано со становлением нового образа королевской власти. Как известно, правители в большинстве своем были полководцами. Как отмечают военные историки, одна из важнейших практик в поведении военачальника – появление командира на поле боя, его участие в сражении. Как пишет Джон Киган, это может быть одним из механизмов управления войском – императив личного примера [8, р. 315–338]. Демонстративное появление военачальника на поле боя носит знаково-символический характер. Оно призвано формировать и поддерживать морально-психологический дух войск [2]. Итак, данная статья посвящена представлениям о сражающемся короле, рассмотреть которые предлагается на примере двух военных трактатов

Первый принадлежит перу знаменитой французской писательницы Кристины де Пизан. Уроженка Италии, Кристина благодаря своему отцу оказалась при дворе французского короля Карла V Мудрого, где впоследствии стала известной писательницей. После смерти короля Кристине продолжали покровительствовать многие государи: французский король Карл VI, английские короли Ричард II и Генрих IV и другие представители знати, такие как Жан Беррийский и Филипп Бургундский. Ее перу принадлежат как произведения лирического характера, так и труды, посвященные положению женщин, образу идеального правителя, вопросам мира и внутреннего единства

страны и т.д. Отличилась она и написанием военного трактата. «Книга ратных подвигов и рыцарства» была написана в 1410 по заказу бургундского герцога Жана Бесстрашного для принца Людовика Гьеньского [7, р.147]. Кристина обильно заимствует материал из «Древа Сражений» Оноре де Бове (ок. 1343–1410), «О военном деле» Вегеция (кон. IV- нач. V вв.) и «Стратегем» Фронтиня (ок. 30–103). Характер использования этих текстов различный: писательница может весьма близко по содержанию и по структуре передавать исходный текст, в других же местах по-своему дополнять и переосмысливать древний труд, как это, например, происходит с трактатом Вегеция. Присутствуют у Кристины и те главы, которые не восходят к другим трудам и скорее всего являются ее оригинальным текстом. Однако не только литература и книжность являлись для Кристины источниками по военному делу. Среди таковых она называет неких «мудрых рыцарей, мастеров в военных умениях» [6, р.117].

Интересующая нас шестая глава первой книги трактата посвящена участию короля в битве [10, р.33]. Глава носит следующее название: «Здесь излагается нецелесообразность нахождения короля или владетельного князя на поле боя из-за опасностей неблагоприятной судьбы». Этот текст относится к той части труда, которая, предположительно, является оригинальным произведением Кристины. В шестой главе нет явных реминисценций из используемых Кристиной источников. Нет заимствований и из трактата Вегеция, из которого писательница в основном брала материал для первой книги (уже в следующей, седьмой главе обнаруживается большое количество цитат из труда римлянина). В тексте главы Кристина признает, что очень многие правители участвовали в сражениях: «...можно найти много примеров королей и князей, которые присутствовали на полях своих сражений: король Александр в своих завоеваниях, многие короли Франции, такие как король Хлодвиг и Карл Великий, а также ряд других». Приводит в пример она и относительно недавние события, произошедшие в 1382 году: «Даже Карл [Карл VI Безумный], который правит сейчас, когда он был четырнадцатилетним юношей, только что коронованным, присутствовал в битве при Роозбеке против фламандцев, где его войска одержали знаменательную победу» [10, р.34]. Можно заметить, что с одной стороны примеры Кристины восходят к литературной и, вероятно, к устной традиции, а с другой – к реальным событиям, современницей которых она была.

Перечисление именитых государей, которые участвовали в битвах, звучит как признание их заслуг – Кристине это необходимо сделать перед тем, как она будет критиковать такое поведение. Видимо в представлении аудитории трактата связка воинственного и уважаемого, и в чем-то даже «идеального» государя была очень крепкой. На тезисы Кристины эта аудитория могла выдвинуть следующий аргумент: «Почему же правителю не стоит находиться на поле боя, если многие великие государи (с которых стоит брать пример Александр, Карл и т.п.) поступали именно так?». Поэтому Кристина де Пизан сначала признает заслуги самых почитаемых королей (большинство из которых, конечно же, французские короли), а затем уже делает весомую оговорку. Как можно увидеть характер и тон пассажа Кристины полемический, будто бы она с чем-то спорит или что-то опровергает [10, р.34]. По всей видимости это действительно так – ведь ей предшествует очень давняя как литературная, так и, вероятно, реальная традиция, в которой образ короля-воина, непосредственно участвующего в сражении, был очень силен.

Как отмечает Жан Флори, тип короля-рыцаря стал практически единственной моделью для подражания в Средневековье со времён Ричарда Львиное Сердце [3, р.26]. Историк объясняет это тем, что на протяжении XI–XII века идет процесс усвоения рыцарских ценностей знатью – «рыцаризация» аристократии и королей [3, р.18]. Известный медиевист Эрнст Канторович также не обошел своим вниманием данную проблему. Как пишет ученый, идеал сражающегося короля не ставился под вопрос в XIII веке, да и в анналах Позднего Средневековья и Ренессанса, отмечает он, нет недостатка в сражающихся королях-воинах [1, р.365]. Лишь в Позднее Средневековье время от времени обнаруживается новый идеал королевской власти, заключает Канторович, где государь не отправляется на войну и не участвует в сражении [1, р.368]. Как предполагает историк, источником новых представлений могли быть два популярных текста XIII века: трактат «De mundo» Псевдо-Аристотеля и философский роман «Сидрах» [1, р.369]. Последний, с большой вероятностью, мог оказать влияние на Кристину де Пизан при написании «Книги ратных свершений и рыцарства». Известно, что у Карла V было несколько копий «романа о Сидрахе» [11, р.180]. Кристина же имела доступ к королевской библиотеке в Лувре.

В чем же состоит главная опасность сражения для правителя? Писательница объясняет это так: «Ибо если Фортуна обратится против государя, находящегося там лично, и если он при этом будет убит, взят в плен или убежит, то это будет потерей или бесчестьем не только для него, но и для людей его крови и вообще для всех его подданных, а также потерей и бедой для его земли и страны, как можно хорошо знать по опыту таких случаев в этом королевстве и тех, которые случались в других местах...» [10, р.34]. Кристина не демонстрирует рыцарское мышление – где важна доблесть и слава, добытая ратными свершениями; не характерны для нее и представления теологов и юристов об обязанности правителя жертвовать жизнью, когда государство того потребует [1, р.365-366]. Мышление Кристины прагматично. Она заботится о непосредственном уроне королевству в случае потери правителя. Причем здесь у Франции был весьма болезненный опыт – пленение Иоанна II в битве при Пуатье. Последствия были действительно тяжелы – королевство обезглавлено и вынуждено платить огромный выкуп за короля. Судя по всему, именно это событие упоминает Кристина, когда пишет следующие слова: «как можно хорошо знать по опыту таких случаев в этом королевстве». Воспоминание о той битве для ее поколения были более чем свежи и болезненны. Не исключено, что именно это событие послужило одним из источников таких воззрений Кристины де Пизан. Другое важное обстоятельство, повлиявшее на такой образ короля – безумие Карла VI. Кристина не могла не учитывать эти обстоятельства при написании своего труда, поэтому, возможно, ее пассажи были направлены против тех, кто считал, что король в любом случае обязан лично вести военные кампании.

Важно также помнить, что писательница прекрасно знала трактат Вегеция по военному искусству, для которого характерна прагматичность, сконцентрированность на конкретных предметах военного дела. Как пишет Кристофер Олманд, в королевских кругах Франции в конце XIV века сформировалось «интеллектуальное» понимание войны в противовес индивидуализму рыцарской войны. Сложилось оно во многом под влиянием текста Вегеция [4, р.265]. Военачальник, с точки зрения Вегеция должен находиться на поле боя – об этом он не пишет эксплицитно, но это понятно из его наставлений, которые он и адресует полководцу. Кристина же делает следующий ход: в

последующих главах она переносит все советы римлянина на фигуру коннетабля, именно он в ее представлении настоящий командир на поле боя. Тем не менее, подход и отношение к войне у Кристины очень схожи с подходом Вегеция. Вероятно, его труд вдохновлял ее на такой рациональный и рассудительный взгляд (возможно вместе с «Романом о Сидрахе»), что проявляется, как и в рассматриваемой главе, так и во всей «Книге ратных свершений и рыцарства».

Произведение Кристины де Пизан снискало большой успех в Западной Европе: сохранилось 22 его рукописи. В 1489 году по приказу Генриха VII Уильям Кэкстон издал английский перевод «Книги ратных свершений и рыцарства» [5, p.1076]. Трактат Кристины использовался как источник в других военно-политических произведениях, например, во втором рассматриваемом трактате – «Книге Благородных». «Книга Благородных» (The Boke of Noblesse) была написана в Англии, в третьей четверти XV века. Известно, что в июне 1475 года ее преподносили королю Эдуарду IV [12, p. 50]. Автором этого произведения был Уильям Вустер. Уильям служил секретарем у сэра Джона Фастольфа – известного рыцаря и ветерана Столетней войны [14, p. 93]. Содержание «Книги» составляют наставления, касающиеся правителя, и того, как он должен вести военную кампанию [9, p. 195]. Это напрямую перекликается с важнейшей темой труда – размышлениями о потерях континентальных владений англичанами. Выводы из них трансформируются в советы королю и в общий призыв к возрождению былого величия английской короны путем завоевания французских земель. Данная риторика, несомненно, свидетельствует о прямом влиянии патрона Уильяма – Джона Фастольфа. Как полагают историки, Фастольф был вдохновителем начала работы над этим «проектом» [9, p. 197]. Материал для «Книги Благородных» Уильям черпал не только из трактата Кристины, но и из сочинений других авторов, таких как Боэций, Радульф из Дисето, Алэн Шартье, и, возможно, Вегеция [9, p. 382]. Однако произведение Кристины является важнейшим источником для Уильяма. Он очень много его цитирует, а где-то даже слово в слово повторяет текст французской писательницы [13, p.77]. Примечательно, что англичанин ни разу не цитирует шестую главу из произведения Кристины де Пизан. Скорее всего делает он это сознательно. Об этом говорит совершенно иной образ государя в «Книге Благородных».

Король у Уильяма Вустера обязан быть военным: он должен знать военное дело и уметь обращаться с оружием смолоду [13, p.21; p.77]. Уильям, хотя и довольно редко, называет королей рыцарями [13, p.12]. Автор не выражает эксплицитно мнение, о том, что правитель должен находиться на поле боя, это можно предположить из контекста его высказывания. На протяжении всего текста автор ни разу не высказывает мысль об опасности и неразумности участия в сражении военачальника или правителя. По этой причине он замалчивает противоположное ему мнение Кристины де Пизан, которая, наоборот, осуждает рыцарское поведение государя: «...Примером тому может служить разумность и правление вышеупомянутого мудрого короля Карла [Карл V Мудрый], который, не сходя с королевского трона в своем дворце, вновь завоевал все земли, потерянные его самыми рыцарственными предшественниками, как это хорошо известно...» [10, p.35]. Такая разница взглядов вызвана тем, что текст Уильяма написан под большим влиянием военного – сэра Джона Фастольфа. Для рыцаря в большей степени характерен образ воинственного короля, который находится на поле боя вместе со своими войсками. Тем более Фастольф служил под руководством Генриха V – короля, который своим поведением воплощал идеал рыцаря и средневекового военачальника, что повлияло на восприятие рыцаря.

Оба трактата представляют собой яркий пример средневекового дискурса о том, должен ли король находиться на поле боя. Это часть более значительной дискуссии о правителе как о военачальнике. Что Кристина, что Уильям выстраивают свои мнения не только на предшествующей литературной традиции, но и на живой рефлексии событий Столетней войны. Разница их взглядов во многом обусловлена их социальным положением и тем окружением, в котором они существовали. Кристина де Пизан – гуманистка и талантливая придворная писательница с большим интеллектуальным багажом, выросшая при дворе несражающегося короля Карла V. Уильям Вустер также был интеллектуалом, человеком литературного труда, однако влияние его патрона-рыцаря сыграло большую роль в его восприятии. «Книга ратных свершений и рыцарства» один из важнейших текстов по своему влиянию для становления нового образа несражающегося короля. Однако образ «короля-воителя» еще очень долго оставался актуальным в Европе, о чем свидетельствуют примеры Максимилиана I, Франциска I и Густава Адольфа.

Библиографический список:

1. Канторович Э.Х. Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 752 с.
2. Махлаюк А.В. Римский полководец в бою: образы, курсы и прагматика военного лидерства (i) // Вестник ННГУ. 2013. №6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-polkovodets-v-boyu-obrazy-diskursy-i-pragmatika-voennogo-liderstva-i> (дата обращения: 16.11.2021).
3. Флори Ж. Ричард Львиное Сердце: король-рыцарь. – СПб: Евразия, 2008–666 с.
4. Allmand C. *The De Re Militari of Vegetius: The Reception, Transmission and Legacy of a Roman Text in the Middle Ages*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011
5. Buschinger D. *Le Livre des faits d'armes et de chevalerie de Christine de Pizan et ses adaptations anglaise et haut-alémanique // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 155e année, N. 2, 2011. pp. 1073-1092*
6. Christine de Pizan. *The Book of Deeds of Arms and of Chivalry*, translated by Sumner Willard, ed. by Charity Cannon Willard, University Park, Pennsylvania State University Press, 1999
7. Hoche, D.T. *Interrogating boundaries: Christine de Pizan and her influence in late medieval and early modern England*. Michigan State University. 2003
8. Keegan J. *The Mask of Command*. L.: Jonathan Cape, 1987.
9. Kekewich M.L. *Books of advice for princes in fifteenth century England with particular reference to the period 1450-1485*. PhD thesis, The Open University, 1987
10. Laennec C.M. *Christine Antygrafe: Authorship and Self in the Prose Works of Christine de Pisan, with an Edition of B.N. Ms. 603 "Le Livre des Fais d'Armes et de Chevalerie"*, Ph. D. dissertation, Yale University, New Haven, 1988
11. Langlois Ch.-V. *La connaissance de la nature et du monde au moyen âge*. Paris, 1911
12. Nall C. *Reading and War in Fifteenth Century England: From Lydgate to Malory*. Cambridge, D.S. Brewer, 2012
13. *The Boke of Noblesse*, ed. J. G. Nichols. London: Roxburghe Club, 1860
14. Wakelin D. *Humanism, reading, and English literature, 1430-1530*. Oxford, Oxford University Press, 2011